

DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-78-98

УДК 81-114.4

А.В. Анцупова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Пропуск предлога *в* в говорах деревень Западнодвинского района Тверской области

Статья посвящена конструкциям с пропуском предлога *в*, кодирующим пространственные, временные и некоторые другие обстоятельственные отношения, в говорах деревень Западнодвинского района Тверской области. Мы предпринимаем попытку определения факторов, влияющих на отсутствие предлога в рассматриваемых конструкциях, представляя анализ соответствующих фонетических и семантико-синтаксических тенденций. Установлено, что отсутствие предлога в исследуемых говорах, вероятно, не может быть объяснено исключительно фонетическими причинами, но может быть сопоставлено с беспредложными конструкциями древнерусского языка.

Ключевые слова: пропуск предлога, беспредложный аккузатив, беспредложный локатив, исторический синтаксис, историческая фонетика, русская диалектология

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Анцупова А.В. Пропуск предлога *в* в говорах деревень Западнодвинского района Тверской области // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 78–98. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-78-98

A. Antsupova

HSE University,
105066 Moscow, Russian Federation

Omission of the preposition *v* in the dialect of the villages of the Zapadnodvinsky district of the Tver region

This study explores constructions in which the preposition *v* ('in') is omitted, expressing spatial, temporal, and other adverbial relations in the dialects of villages in the Zapadnodvinsky District, Tver Region. We examine phonetic and semantic-syntax patterns to identify factors behind the omission. The results indicate that this phenomenon cannot be explained solely by phonetics and may reflect patterns akin to Old East Slavic prepositionless case constructions.

Key words: preposition drop, prepositionless accusative, prepositionless locative, historical syntax, historical phonetics, Russian dialectology

FOR CITATION: Antsupova A. Omission of the preposition *v* in the dialect of the villages of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 78–98. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-78-98

1. Введение

Предметом настоящей работы являются беспредложные конструкции, кодирующие пространственные, временные и некоторые другие обстоятельственные отношения, в говорах деревень Шетнево, Макеево и Пятиусово Западнодвинского района Тверской области.

Эквивалентные конструкции в современном русском литературном языке (СРЛЯ) предполагают обязательное наличие предлога *в*, который может отсутствовать в соответствующей позиции в исследуемых говорах:

- (1) *Ей было плохо (в) **Топоне*** (Корпус говора деревни Пятиусово, НПР1963)

(2) А (в) **сорок втором** я родилася (Корпус говора деревни
Пятиусово, ЗЕС1942)

В стандартной устной речи отмечается фонетическая редукция предлога *в* (см. [Насырова, 2022]), которая зависит от ряда факторов, не связанных с семантико-синтаксическими особенностями употребления предлога. Материал нашего исследования показывает, что в СРЛЯ контексты с отсутствием реализации предлога *в* составляют 13% от общего числа употреблений предлога, в то время как аналогичный показатель в изучаемых говорах достигает 29%.

Целью настоящей работы является определение факторов, влияющих на отсутствие предлога в рассматриваемых диалектных конструкциях. Работа опирается на предыдущие исследования автора [Анцупова, 2024] и представляет не высказанные ранее соображения, касающиеся дополненных новыми данными диалектного материала.

Отсутствие предлога в аналогичных конструкциях отмечается и в ряде других восточнославянских диалектов: в говорах Сибири [Селищев, 1921] и Воронежской области [Собинникова, 1969], в севернорусском фольклоре [Станишева, 1966], в украинском закарпатском говоре [Толстая, 2024], а также в русском старожильческом говоре низовой Индигирки [Васильев, 2025]. В некоторых из упомянутых работ предпринимается попытка объяснить отсутствие предлога фонетическими или семантико-синтаксическими причинами. Преобладающей точкой зрения является постулирование обусловленности пропуска фонетическими параметрами, а именно – редукцией предлога *в*, реализующегося губно-губным аппроксимантом [w], в позиции перед согласным.

Учитывая большую частотность рассматриваемых беспредложных употреблений в говорах относительно данных СРЛЯ, мы представляем, с одной стороны, анализ фонетических тенденций в диалектных контекстах в сравнении с тенденциями, характерными для литературной устной речи, с другой – сопоставительный анализ рассматриваемых диалектных конструкций и аналогичных беспредложных конструкций древнерусского языка с целью оценки возможности функционирования в говорах древнерусских моделей употребления беспредложных падежей.

Дальнейшее изложение структурировано следующим образом. Раздел 2 посвящен описанию материала и методологии исследования. В разделе 3 приводится анализ фонетических тенденций, приводящих к отсутствию предлога в исследуемых говорах в сравнении с данными литературной устной речи. Раздел 4 посвящен сопоставительному анализу рассматриваемых диалектных конструкций и беспредложных моделей употребления падежей, характерных для древнерусского

языка. В разделе 5 приводится интерпретация полученных результатов и попытка определить факторы, влияющие на отсутствие предлога в рассматриваемых употреблении.

2. Данные и методы

Настоящее исследование основано на материале четырех устных корпусов и полевом материале автора, собранном в деревне Пятиусово в 2024 г. В качестве источника данных литературной русской устной речи были взяты два корпуса: Корпус русской устной речи¹ и Корпус говора города Звенигорода². Данные исследуемых говоров представлены материалом Корпуса говора деревень Шетнево и Макеево³ и Корпуса говора деревни Пятиусово⁴, а также полевым материалом автора.

В качестве данных литературной устной речи в выборку исследования включено 1134 вхождения предлога *в* в Корпус русской устной речи и Корпус говора города Звенигорода. Из них 985 контекстов содержат фонетическую реализацию предлога, а 149 контекстов – не содержат. В качестве данных исследуемых говоров в выборку содержится 1000 вхождений предлога *в* в Корпус говора деревень Шетнево и Макеево и в Корпус говора деревни Пятиусово. Из них 710 контекстов содержат соответствующую реализацию предлога, а 290 контекстов – не содержат. Поиск в корпусах осуществлялся посредством запроса *lemma*='в', каждое вхождение предлога в выдачу корпусов переслушивалось вручную и исследовалось с помощью анализа его спектрограммы в программе *Praat*.

Полевой материал исследования был собран с целью проверки гипотезы о связи отсутствия предлога с семантико-синтаксическими параметрами рассматриваемых конструкций. Информантам были заданы вопросы, ответы на которые предполагали указание на пространственные или временные характеристики обсуждаемой ситуации (*Где вы родились?*

¹ Корпус русской устной речи. URL: <http://russpeech.spbu.ru/> (дата обращения: 18.09.2025).

² Panova A. Corpus of Russian spoken in Zvenigorod, Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2021. URL: <http://lingconlab.ru/zvenigorod/> (accessed: 18.09.2025).

³ Ронько Р.В., Азанова А.С., Бутенко З.А. и др. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/shetnevo/#!/> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴ Ронько Р.В., Агеева Э.В., Анцупова Ф.В. и др. Корпус говора деревни Пятиусово 2024, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/pyatiusovo> (дата обращения: 21.03.2025).

Когда вы пошли в школу? и т.д.), при этом предложная конструкция в вопросе отсутствовала с целью избежания эффекта прайминга [Pickering et al., 1999].

Для определения фонетических причин отсутствия предлога в при обработке корпусных данных выборки – как литературной устной речи, так и исследуемых говором – были осуществлены расчеты статистической значимости корреляций от следующих параметров левого и правого контекстов: место образования, способ образования, твердость/мягкость, глухость/звонкость (в случае, если соответствующий звук является согласным); огубленность/неогубленность (в случае, если соответствующий звук является гласным). Расчет значимости каждой из корреляций осуществлялся при помощи попарного сравнения данных с применением критерия χ^2 и поправки Бонферрони (пороговое значение $p\text{-value} = 0,05$).

Сопоставительный анализ рассматриваемых диалектных конструкций и архаичных беспредложных конструкций был осуществлен с привлечением материала теоретических работ, посвященных беспредложным аккузативу и локативу древнерусского [Топоров, 1961; Зализняк, 2004; Крысько, 2006; Борковский, Кузнецов, 2007] и старорусского [Блинова, 2010] периодов.

3. Фонетические тенденции в контекстах с отсутствием предлога

Редукция предлога *в* в литературной русской устной речи описана в некоторых работах (см., например, [Насырова, 2022]). В качестве факторов, увеличивающих вероятность редукции, в упомянутой работе отмечаются интерконсонантная позиция предлога *в* и степень спонтанности речи; фактором, который уменьшает вероятность редукции, Е.В. Насырова называет интервокальную позицию предлога.

Утверждение об увеличении в литературной устной речи вероятности отсутствия предлога в интерконсонантной позиции было проверено на материале настоящего исследования. Проведенные расчеты показали, что соответствующая корреляция действительно обладает статистической значимостью: значение $p\text{-value}$ составляет $<0,01$. В таблице 1 представлено распределение контекстов с отсутствием предлога в литературной устной речи в зависимости от интерконсонантной позиции предлога.

Из числа всех проанализированных параметров (см. раздел «Данные и методы») в литературной устной речи статистически значимое

увеличение вероятности отсутствия предлога также обнаружилось в позициях:

- а) перед щелевым согласным ($p\text{-value} < 0,01$);
- б) перед звуками [м]/[м']⁵ ($p\text{-value} < 0,01$).

Таблица 1

**Зависимость отсутствия предлога
от интерконсонантной позиции (Корпус русской устной речи
и Корпус говора города Звенигорода)
[Dependence of preposition omission on the interconsonantal position
(Corpus of Russian Spoken Speech, Corpus of Russian spoken
in Zvenigorod)]**

	Интерконсонантная позиция [Interconsonantal position]	Не-интерконсонантная позиция [Non-interconsonantal position]
Предлог присутствует [Preposition present]	769 (92,87%) [719,21]	216 (70,59%) [265,79]
Предлог отсутствует [Preposition absent]	59 (7,13%) [108,79]	90 (29,41%) [40,21]

П р и м е ч а н и е. В круглых скобках в ячейках таблицы указано наблюдаемое значение рассматриваемых величин в процентах; в квадратных скобках приведены ожидаемые значения величин при их независимом распределении.

[N o t e. The observed value of the quantities under consideration is indicated in percentages in parentheses in the table cells; the expected values of the quantities under independent distribution are given in square brackets.]

В позиции перед взрывным согласным вероятность отсутствия предлога, напротив, уменьшается ($p\text{-value} < 0,01$). Приведенные утверждения верны как для интерконсонантной позиции предлога, так и для позиции после гласного перед соответствующим согласным. В таблицах 2–4 проиллюстрированы представленные распределения, демонстрирующие статистическую значимость.

Корреляций с другими параметрами, которые учитывались при анализе, на данных литературной устной речи обнаружено не было.

Увеличение вероятности отсутствия предлога в интерконсонантной позиции также прослеживается на данных исследуемых говоров ($p\text{-value} < 0,01$); соответствующее распределение иллюстрирует таблица 5.

⁵ Твердый и мягкий звук рассматривались как единая фонетическая позиция ввиду того, что в литературной устной речи зависимость отсутствия предлога от твердости/мягкости левого и правого контекстов не оказалась статистически значимой.

Таблица 2

**Зависимость отсутствия предлога от позиции
перед щелевым согласным (Корпус русской устной речи
и Корпус говора города Звенигорода)
[Dependence of preposition omission on the position
before a fricative consonant (Corpus of Russian Spoken Speech,
Corpus of Russian spoken in Zvenigorod)]**

	Перед щелевым согласным [Before a fricative consonant]	Перед другим согласным [Before another consonant]
Предлог присутствует [Preposition present]	193 (75,98%) [212,92]	569 (86,87%) [549,08]
Предлог отсутствует [Preposition absent]	61 (24,02%) [41,08]	86 (13,13%) [105,92]

П р и м е ч а н и е. В круглых скобках в ячейках таблицы указано наблюдаемое значение рассматриваемых величин в процентах; в квадратных скобках приведены ожидаемые значения величин при их независимом распределении.

[N o t e. The observed value of the quantities under consideration is indicated in percentages in parentheses in the table cells; the expected values of the quantities under independent distribution are given in square brackets.]

Таблица 3

**Зависимость отсутствия предлога от позиции перед [м]/[м']
(Корпус русской устной речи и Корпус говора города Звенигорода)
[Dependence of preposition omission on the position
before [m]/[m'] (Corpus of Russian Spoken Speech,
Corpus of Russian spoken in Zvenigorod)]**

	Перед [м]/[м'] [Before [m]/[m']]	Перед другим согласным [Before another consonant]
Предлог присутствует [Preposition present]	72 (73,47%) [82,15]	690 (85,08%) [679,85]
Предлог отсутствует [Preposition absent]	26 (26,53%) [15,85]	121 (14,92%) [131,15]

П р и м е ч а н и е. В круглых скобках в ячейках таблицы указано наблюдаемое значение рассматриваемых величин в процентах; в квадратных скобках приведены ожидаемые значения величин при их независимом распределении.

[N o t e. The observed value of the quantities under consideration is indicated in percentages in parentheses in the table cells; the expected values of the quantities under independent distribution are given in square brackets.]

Таблица 4

**Зависимость отсутствия предлога от позиции
перед взрывным согласным (Корпус русской устной речи
и Корпус говора города Звенигорода)
[Dependence of preposition omission on the position
before a plosive consonant (Corpus of Russian Spoken Speech,
Corpus of Russian spoken in Zvenigorod)]**

	Перед взрывным согласным [Before a plosive consonant]	Перед другим согласным [Before another consonant]
Предлог присутствует [Preposition present]	417 (88,72%) [393,99]	345 (78,59%) [368]
Предлог отсутствует [Preposition absent]	53 (11,28%) [76]	94 (21,41%) [70,99]

П р и м е ч а н и е. В круглых скобках в ячейках таблицы указано наблюдаемое значение рассматриваемых величин в процентах; в квадратных скобках приведены ожидаемые значения величин при их независимом распределении.

[N o t e. The observed value of the quantities under consideration is indicated in percentages in parentheses in the table cells; the expected values of the quantities under independent distribution are given in square brackets.]

Таблица 5

**Зависимость отсутствия предлога от интерконсонантной позиции
(Корпус говора деревень Шетнево и Макеево,
Корпус говора деревни Пятиусово)
[Dependence of preposition omission on the interconsonantal position
(Corpus of Shetnevo and Makeevo,
Corpus of the Russian dialect spoken in Pyatiusovo)]**

	Интерконсонантная позиция [Interconsonantal position]	Не-интерконсонантная позиция [Non-interconsonantal position]
Предлог присутствует [Preposition present]	145 (54,92%) [187,44]	565 (76,77%) [522,56]
Предлог отсутствует [Preposition absent]	119 (45,08%) [76,56]	171 (23,23%) [213,44]

П р и м е ч а н и е. В круглых скобках в ячейках таблицы указано наблюдаемое значение рассматриваемых величин в процентах; в квадратных скобках приведены ожидаемые значения величин при их независимом распределении.

[N o t e. The observed value of the quantities under consideration is indicated in percentages in parentheses in the table cells; the expected values of the quantities under independent distribution are given in square brackets.]

Из всех проанализированных параметров в исследуемых говорах вероятность отсутствия предлога увеличивается лишь в позиции перед глухим согласным ($p\text{-value} = 0,04$) (таблица 6).

Таблица 6

**Зависимость отсутствия предлога от позиции
перед глухим согласным (Корпус говора деревень Шетнево
и Макеево, Корпус говора деревни Пятиусово)
[Dependence of preposition omission on the position
before a voiceless consonant (Corpus of Shetnevo and Makeevo,
Corpus of the Russian dialect spoken in Pyatiusovo)]**

	Перед глухим согласным [Before a voiceless consonant]	Перед звонким согласным [Before a voiced consonant]
Предлог присутствует [Preposition present]	311 (65,89%) [325,87]	300 (72,64%) [285,13]
Предлог отсутствует [Preposition absent]	161 (34,11%) [146,13]	113 (27,36%) [127,87]

Примечание. В круглых скобках в ячейках таблицы указано наблюдаемое значение рассматриваемых величин в процентах; в квадратных скобках приведены ожидаемые значения величин при их независимом распределении.

[Note. The observed value of the quantities under consideration is indicated in percentages in parentheses in the table cells; the expected values of the quantities under independent distribution are given in square brackets.]

Стоит отметить, что вероятность отсутствия предлога перед глухим согласным не увеличивается при отдельном рассмотрении контекстов интерконсонантной позиции предлога и контекстов позиции после гласного перед глухим согласным, в связи с чем соответствующая корреляция относится прежде всего к контекстам изолированной позиции предлога (начала речевого акта).

Проведенные расчеты показывают, что для литературной русской устной речи представляется возможным считать прототипическими контекстами отсутствия фонетической реализации предлога в контексты вида “согласный + (позиция предлога) + целевой согласный” (типа *Ехать в сад*) и “согласный + (позиция предлога) + [м]/[м’]” (типа *Ехать в Москву*). Отсутствие предлога в изучаемых говорах коррелирует с иными фонетическими тенденциями: несмотря на то, что вероятность отсутствия предлога, аналогично литературной устной речи, увеличивается в интерконсонантной позиции, место и способ образования правого контекста не влияют на отсутствие предлога. Корреляцию по глухости/

звонкости правого контекста, которая, в отличие от литературной устной речи, прослеживается в изучаемых говорах, также нельзя считать абсолютной: о влиянии данного фактора на вероятность отсутствия предлога, скорее, стоит говорить применительно к контекстам его изолированной позиции.

Представляет интерес природа отсутствия реализации предлога *в* в литературной устной речи. В [Насырова, 2022] соответствующий феномен описывается как фонетическая редукция; с учетом полученных результатов, касающихся влияния характеристик правого контекста на вероятность отсутствия предлога, мы предполагаем, что в данном случае можно говорить о полной ассимиляции аллофона фонемы /в/ с правым контекстом и последующем сокращении длительности соответствующего звукового сегмента.

Приведенная точка зрения имеет два преимущества: с одной стороны, рассматривая данный процесс как полную регрессивную ассимиляцию аллофона фонемы /в/, представляется возможным анализ этого процесса в совокупности с другими случаями полной ассимиляции согласных в русском языке: в частности, с ассимиляцией в позиции перед альвеолярными согласными типа *с шутками* [ш:útкм'ь], см. [Коздасов, Кривнова, 2001, с. 361].

С другой стороны, такое определение позволяет провести параллель между отсутствием реализации предлога *в* в литературной устной речи и в исследуемых говорах. В работе [Замбрицкая, 2026] установлено, что для выбора аллофона фонемы /в/, посредством которого осуществляется реализация предлога *в*, в позиции перед согласным чувствительной оказывается характеристика правого контекста по глухости/звонкости: на материале упомянутого исследования в позиции предлога перед глухим согласным чаще всего встречаются губно-губной аппроксимант [w] и гласный [y]⁶. В соответствии с этим реализация предлога *в* посредством аппроксиманта [w] как в литературной устной речи (в позиции перед звуками [м]/[м'] в контекстах типа *Ехать в Москву* [jéxъt' w масквǔ] (ср. возможность произнесения губно-губного аппроксиманта в аналогичной внутрисловной фонетической позиции *травмпункт* [травмпǔнкт] [Князев, Пожарицкая, 2011, с. 50]), так и в исследуемых говорах (в позиции перед глухим согласным) с большей вероятностью может претерпевать полную ассимиляцию с правым контекстом.

⁶ Соответствующее наблюдение было проверено и подтверждено на материале нашего исследования.

Говоря о еще одном прототипическом контексте отсутствия реализации предлога *в* в литературной устной речи – позиции после согласного перед щелевым согласным – следует помнить, что следы сонорного происхождения /в/ [Пожарицкая, 2005; Галинская, 2009] в СРЛЯ прослеживаются менее явно, чем в исследуемых говорах. Фрикативная реализация /в/ в литературной устной речи в позиции перед сибиллянтами – главным образом, перед альвеолярными [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 361] – может претерпевать полную ассимиляцию с правым контекстом. В таблице 2 была рассмотрена зависимость отсутствия предлога в литературной устной речи от позиции перед щелевым согласным: необходимо уточнить, что около 90% соответствующих контекстов составляют контексты с сибиллянтами. Аналогичная ситуация может иметь место и в соответствующих сочетаниях фрикативных согласных во внутрисловной позиции, ср. *пр^встр^вич^вац^вь*⁷ – вследствие чего реализация предлога *в* в данных контекстах отсутствует.

Приведенная точка зрения, тем не менее, сталкивается с несколькими существенными проблемами: во-первых, как известно, вследствие своего сонорного происхождения /в/ по ряду акустических и фонологических свойств в СРЛЯ противопоставлен фрикативным согласным, ввиду чего рассмотрение процесса ассимиляции аллофонов фонемы /в/ в совокупности с другими случаями ассимиляции щелевых не всегда уместно. Во-вторых, в позиции предлога перед глухим согласным в исследуемых говорах с одинаковой частотностью наблюдается как губно-губной аппроксимант [w], так и гласный [y]. Изложенный выше взгляд на проблему определяет [w] как наиболее склонную к ассимиляции реализацию предлога *в*, однако реализация [y] не получает аналогичной характеристики в соответствии с приведенным рассуждением. Наконец, механизмы ассимиляции согласного в позиции предлога и во внутрисловной позиции могут существенно различаться, вследствие чего для проверки изложенного выше предположения необходимо провести дополнительное исследование соответствующих процессов на материале литературной устной речи и исследуемых говоров.

Приведенный анализ фонетических тенденций показывает, что прототипические контексты отсутствия предлога в литературной устной речи и в исследуемых говорах различаются. Единственным фактором, влияющим на увеличение вероятности отсутствия предлога в говорах (кроме интерконсонантной позиции), оказывается глухость правого контекста,

⁷ Приведенный случай можно рассматривать и как редукцию звука [ф] в начале кластера согласных.

но и эту зависимость нельзя признать абсолютной: даже при рассмотрении всех вхождений предлога *в* без разделения по признаку интерконсонантной позиции значение *p-value* для соответствующей корреляции (0,04) близко к пороговому (0,05). Вместе с тем беспредложные употребления в исследуемых говорах прослеживаются в строго определенных семантических группах контекстов, что не может не наводить на мысль о возможной обусловленности отсутствия предлога семантико-синтаксическими параметрами. Соответствующая гипотеза будет обсуждаться в следующем разделе.

4. Семантико-синтаксические особенности конструкций с отсутствием предлога

В исследуемых говорах систематически обнаруживаются три типа конструкций с отсутствием предлога *в*.

1. Конструкции с винительным падежом, кодирующим цель движения (около 90 примеров соответствующего типа):

(3) Он поехал (в) **Торону** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

2. Конструкции с предложным падежом, кодирующим пространственную локализацию действия (около 130 примеров соответствующего типа):

(4) Сестра живет (в) **том доме** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

3. Конструкции с винительным и предложным падежами, кодирующими момент или период времени, в который имела место описываемая ситуация, а также конструкции с винительным падежом, указывающим на периодичность осуществления ситуации (около 100 примеров соответствующего типа):

(5) Нужно отправить его (в) **шесть часов** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(6) Невестка, по-моему, (в) **прошлом году** тоже не ходила (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

(7) Туда я ходила раз (в) **неделю** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

Зафиксированы единичные случаи употребления беспредложных конструкций с аккузативом и локативом, кодирующих иные обстоятельственные отношения:

- (8) Он *приехал* (в) **ягоды** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)⁸
- (9) И (в) **поездки** отправился (полевые материалы, деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ВПМ1934)
- (10) Я не *разбираюсь* (в) **телефонах** (полевые материалы, деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ВПМ1934)

В таблице 7 представлена статистика употреблений беспредложных конструкций с различными значениями в исследуемых говорах.

Таблица 7

**Статистика употреблений беспредложных конструкций
(Корпус говора деревень Шетнево и Макеево,
Корпус говора деревни Пятиусово, полевой материал)
[Statistics of zero-preposition constructions in the dialects
(Corpus of Shetnevo and Makeevo, Corpus of the Russian dialect
spoken in Pyatiusovo, and field data)]**

Значение беспредложной конструкции [Meaning of the zero-preposition construction]	Количество употреблений [Number of occurrences]
Указание на локализацию [Localization]	130 (38,46%)
Указание на момент/период времени + периодичность осуществления ситуации [Indication of time point / time period + habituality of the situation]	96 (28,40%)
Указание на цель движения [Goal of motion]	86 (25,44%)
Другое [Other]	26 (7,70%)
Всего [Total]	338 (100%)

В древнерусском языке систематически наблюдаются беспредложные конструкции с аккузативом и локативом, кодирующие отношения, аналогичные тем, которые выражаются посредством пространственных и временных беспредложных конструкций в исследуемых говорах. Ниже приводится сопоставительный анализ засвидетельствованных

⁸ В исследуемых говорах встречаются объектно-целевые конструкции с глаголами движения и объектами лесного собирательства с предлогом *в*, см. [Ронько и др., 2023, с. 252].

в говорах конструкций и архаичных беспредложных конструкций, которые описаны в теоретических работах, посвященных историческому синтаксису русского языка.

4.1. Конструкции с беспредложным аккумулятивом цели движения

Бспредложный аккумулятив цели движения фиксируется в древнерусских памятниках письменности различного содержания – летописях, религиозных текстах, историко-повествовательной литературе – с XI в. Соответствующие конструкции подробно анализируются в [Станишева, 1966; Крысько, 2006]; приведем некоторые примеры из упомянутых работ: *Оульбъ же внида Черниговъ* [Крысько, 2006, с. 58]; *ѣха къ ѿои Богородици Печерьскои манастырь* [Там же]; *поиде ко тьстоу смоемоу Киевъ* [Там же], *веде мя нѣкое мѣсто свѣта исплънено* [Крысько, 2006, с. 60]. На рубеже XII–XIII вв. формы беспредложного винительного падежа цели движения встречаются не только от названий городов, но и от имен нарицательных (*мѣста, жилища*), что, по предположению В.Б. Крысько, свидетельствует о сохранении беспредложного аккумулятива цели движения в качестве живой формы. В текстах среднерусского периода рассматриваемые конструкции фиксируются окказионально: *они (ж) хотели что(б) ѿръ мать свою з двора своего сослал тот двор гдѣ вдовы да дѣвки живутъ ѿрвы* [Там же, с. 64]; В.Б. Крысько указывает, что относительно активное использование беспредложного аккумулятива цели движения завершилось в XIII в.

В [Борковский, Кузнецов, 2007] отмечается, что употребление винительного падежа без предлога для обозначения места (цели движения) было ограниченным; приведенный авторами иллюстративный материал аналогичен примерам из работ Д.С. Станишевой и В.Б. Крысько. В работе О.В. Блиновой, посвященной анализу беспредложных сочетаний в грамотках XVII в., представлено два примера употребления беспредложного аккумулятива цели движения, в которых отсутствуют условия для графической аттракции предлога: *пожалуи ѿсдръ возми грамотки советные от Федора Алексѣевича Головина Свияжскъ*; *от вашей бѣгоданые трапезы приволокся к събе домишка и обрадовас вашему к събе мѣсрдною <>* [Блинова, 2010, с. 398]. В других случаях употребления беспредложного аккумулятива цели движения О.В. Блинова объясняет отсутствие предлога наличием условий для устранения графических дублетов на письме, а также особенностями функционирования в языке грамоток XVII в. беспредложного аккумулятива с объектным значением. Утверждается, что употребления рассматриваемых

конструкций следует признать случайными, поскольку на материале исследования беспредложный аккузатив цели движения встречается на порядок реже, чем аналогичные предложные употребления.

В исследуемых говорах конструкции с беспредложным винительным падежом цели движения встречаются:

а) с топонимами – названиями близлежащих населенных пунктов и крупных городов России:

(11) Мы *ходили* (в) **Шетнево** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(12) Это *когда уже* (в) **Старую Торопу** *пошли* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(13) Уже (в) **Пятиусово** *пришли* (полевые материалы, деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

(14) *Ездила* (в) **Москву** *за покупками* (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

б) с именами нарицательными – в том числе в сочетании с определением:

(15) *Ходили* (в) **церковь** *туда* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(16) Мы *ходили* (в) **школу** (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(17) Он (в) **дом** *не заходит* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

(18) *Ездили* (в) **какой-то город** (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

4.2. Конструкции с беспредложным локативом пространственной локализации

Беспредложный локатив со значением пространственной локализации широко распространен в летописях и памятниках деловой письменности XI–XIII вв. [Топоров, 1961]. В.Н. Топоров, анализируя специфику употребления беспредложного локатива в древнерусском языке, утверждает, что рассматриваемые конструкции чаще встречаются с названиями городов: *Переставися кнѣзь Мъстиславъ Новегородѣ; А Михалко седе Володимири, а брата посади Переяслави; Побѣдиша Ярослава Морѣдва Муромѣ* [Там же, с. 20], реже наблюдаются случаи употребления беспредложного локатива пространственной локализации от нарицательных имен с обстоятельственным значением: *том же*

мѣсть; одиномъ мѣсть; Савѣкине дворе [Топоров, 1961, с. 21]. Активное использование данных беспредложных конструкций завершилось в XIII в.; как отмечается в [Борковский, Кузнецов, 2007], в конце XV в. в памятниках письменности фиксируется совсем небольшое число употреблений беспредложного локатива пространственной локализации преимущественно не от нарицательных имен.

В [Зализняк, 2004] утверждается, что новгородские берестяные грамоты раннедревнерусского периода хорошо сохраняют древнейший тип употребления местного падежа с названиями городов и некоторых других географических пунктов – значение пребывания внутри передается беспредложным локативом: *Киевъ; Пльскове; Переяслав[ъ]ль; Полотьскъ* [Там же, с. 160] и др. А.А. Зализняк отмечает, что для топонимов, не принадлежащих к *а*-склонению, в берестяных грамотах этого хронологического периода отсутствуют параллельные примеры с употреблением предлога; соответствующие предложные конструкции начинают появляться только на рубеже XII–XIII вв. За рамками топонимов примеры употребления беспредложного локатива в берестяных грамотах немногочисленны, все они относятся к раннедревнерусскому периоду.

О.В. Блинова отмечает четыре употребления беспредложного локатива в пространственном значении в грамотках XVII в., в которых отсутствуют условия для графического устранения предлога: *а ѿне опаюцца ѿдрь пути останочного **Свяжском**; а мн б слыша про твое здоровее о Христе радоватися а про меня изволи <> напаметоват и я на службе **городъ** дал бгъ здорово; и мы смиренни на Вологдѣ ноября по <> число мѣстию бжиею живы **домъ сваем**; в печалех своих обретаюс **живых*** [Блинова, 2010, с. 419]. Учитывая низкую частотность соответствующих конструкций в памятниках XVII в., О.В. Блинова считает приведенные употребления беспредложного локатива случайными.

В исследуемых говорах конструкции с беспредложным локативом, кодирующим пространственную локализацию, составляют около 40% от общего числа зафиксированных беспредложных конструкций. Соответствующие употребления наблюдаются:

а) с топонимами – названиями близлежащих населенных пунктов и крупных городов России:

(19) *А девочки вроде (в) **Твери** учатся* (полевые материалы, деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, НПР1963)

(20) *Живут (в) **Подмосковье** они* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

- (21) *Сама я родилась (в) **Спиридове*** (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (22) *Все-таки она (в) **Москве** работает* (полевые материалы, деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, НВН1968)
- б) с именами нарицательными – в том числе в сочетании с определением:
- (23) *Не сажаю, (в) **огороде** у меня посажено* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)
- (24) *Тожe (в) **колхозе** копеек не платили* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ЛХЛ1941)
- (25) *Ну (в) **деревне** это принято* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)
- (26) *Вот (в) **этом ларьке** работала* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

В отличие от данных древнерусского языка, тенденций к более частому употреблению топонимов по сравнению с именами нарицательными в соответствующих диалектных конструкциях не наблюдается.

4.3. Беспредложные конструкции временной локализации

Беспредложные конструкции, кодирующие временные отношения, засвидетельствованы в древнерусском языке многочисленными примерами. В [Топоров, 1961; Крысько, 2006; Борковский, Кузнецов, 2007] отмечается, что соответствующие конструкции, образуясь от ограниченного круга лексики, обозначающей временные промежутки, функционировали вплоть до XVI–XVII вв. В.Б. Крысько определяет значение беспредложного временного аккузатива как указание на момент, в который происходит какое-либо действие, или промежуток времени, частично занятый действием. Формы беспредложного временного локатива, как отмечается в [Ломтев, 1956; Стеценко, 1977; Попова, 1978], обозначают промежуток времени, частично занятый действием. Представим некоторые примеры из упомянутых работ: *А почало мерети **коноун Микоулина** дни зимняго* [Крысько, 2006, с. 74]; *то же время Изяславъ Мьстиславичъ посла послы своя къ королеви* [Там же, с. 73]; *и **томъ вечере** перевозися Ярославъ съ вои* [Топоров, 1961, с. 23]; *иде Всъволодь... на Чюдъ **зимъ*** [Там же, с. 20]. О.В. Блинова отмечает 18 надежных примеров употребления конструкций с беспредложным винительным моментом, а также 4 примера конструкций с беспредложным временным локативом в грамотках XVII в. Некоторые примеры: *указано*

стать **Троицынь день** в Курске; да послал я к тебе **сю весну** грамотку [Блинова, 2010, с. 401]; указ писан **прошлом году** а указ пишет на один годъ а не до урочных льтъ; давно л тот кр̑стьянин Демитка збѣжал и **котором году** и месеце и числе [Там же, с. 421].

В изучаемых говорах фиксируются следующие беспредложные конструкции, кодирующие временные отношения:

а) конструкции с аккумулятивом и локативом, обозначающие момент или период времени, в который происходит описываемая ситуация:

(27) *Я сюда приехала (в) **двадцать лет*** (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

(28) *Это (в) **пятидесятые годы** было* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

(29) *Все мы (в) **два часа** приходили домой* (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

(30) *Катали яички (в) **Пасху*** (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

(31) *Сюда переехала (в) **пятьдесят пятом году*** (полевые материалы, деревня Пятиусово, Западнодвинский район, Тверская область, ЗЕС1942)

(32) *Я думаю, (в) **шестьдесят шестом году** дали свет* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

(33) *Тане будет (в) **сентябре** шестьдесят два* (Корпус деревень Шетнево и Макеево, ГИП1953)

(34) *Это (в) **каком году**, Господи?* (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

б) конструкции с аккумулятивом, указывающие на периодичность осуществления описываемой ситуации:

(35) *Автобус ходит раз (в) **неделю*** (Корпус деревни Пятиусово, ВПМ1934)

(36) *Газету носят (в) **неделю** раз* (Корпус деревни Пятиусово, ЗЕС1942)

Функционирование приведенных конструкций ограничено кругом лексики, обозначающей временные промежутки; на материале исследования соответствующие употребления отмечались преимущественно с порядковыми числительными – наименованиями годов (**шестьдесят шестой год**), а также с наименованиями месяцев и дней недели.

5. Заключение

В центре внимания статьи находятся беспредложные конструкции, кодирующие пространственные, временные и некоторые другие обстоятельственные отношения, в говорах деревень Западнодвинского района Тверской области. В настоящем исследовании была предпринята попытка определить факторы, влияющие на отсутствие предлога в рассматриваемых диалектных конструкциях. Были проанализированы как фонетические тенденции, наблюдающиеся в контекстах с отсутствием предлога *в*, так и семантико-синтаксические особенности беспредложных диалектных конструкций.

На материале исследования установлено, что увеличение вероятности отсутствия предлога наблюдается – помимо интерконсонантной позиции – перед глухим согласным. Приведенную корреляцию, тем не менее, нельзя считать абсолютной: допуская ее влияние на отсутствие предлога, мы полагаем, что объяснить случаи беспредложных употреблений в исследуемых говорах исключительно фонетическими причинами не представляется возможным. Вместе с тем употребление соответствующих конструкций с отсутствием предлога *в* регулярно прослеживается в строго определенных семантических контекстах: при кодировании цели движения, а также пространственной и временной локализации описываемой ситуации. Рассматриваемые модели беспредложных аккумулятива и локатива соотносятся с беспредложными конструкциями древнерусского языка, выражающими аналогичные значения, что не может не наводить на мысль о возможности реликтового сохранения последних в исследуемых говорах.

Принимая во внимание тот факт, что активное употребление соответствующих конструкций с беспредложным аккумулятивом и локативом, по-видимому, завершилось в XIII в., мы, однако, не видим достаточных оснований для того, чтобы признать отсутствие предлога *в* в изучаемых говорах явлением исключительно фонетического толка, и предполагаем, что функционирование древнерусских моделей употребления беспредложных падежей до сих пор может иметь место в ряде среднерусских диалектов.

Библиографический список / References

Анцупова, 2024 – Анцупова А.В. Конструкции с пропуском предлога *в* в говоре деревень Западнодвинского района Тверской области // Актуальные проблемы русской диалектологии: Материалы международной конференции / отв. ред. О.Е. Кармакова. М., 2024. С. 11–14. [Antsupova A.V. Constructions with the omission of the preposition *v* in the dialect of the villages of the Zapadnodvinsky district of the Tver region. *Aktualnye problemy russkoy dialektologii*. О.Е. Karmakova (ed.). Moscow, 2024. Pp. 11–14. (In Rus.)]

Блинова, 2010 – Блинова О.В. К вопросу о разграничении графической и грамматической мотивации употребления беспредложных сочетаний в грамотках XVII века // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. 2010. Т. 6. № 2. С. 379–429. [Blinova O. V. On the differentiation of graphic and grammatical motivation in the use of non-prepositional phrases in 17th century private letters. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2010. Vol. 6. No. 2. Pp. 379–429. (In Rus.)]

Борковский, Кузнецов, 2007 – Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. [Borkovsky V.I., Kuznetsov P.S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, 1963.]

Васильев, 2025 – Васильев В.Л. Русский старожильский говор низовий Индигирки и диалекты европейской России: сравнительный аспект // Вопросы языкознания. 2025. № 3. С. 106–129. [Vasilyev V.L. The Russian old-resident dialect of the lower Indigirka and the dialects of European Russia: A comparative aspect. *Voprosy jazykoznanija*. 2025. No. 3. Pp. 106–129. (In Rus.)]

Галинская, 2009 – Галинская Е.А. Историческая фонетика русского языка. М., 2009. [Galinskaya E.A. *Istoricheskaya fonetika russkogo yazyka* [Historical phonetics of the Russian language]. Moscow, 2009.]

Зализняк, 2004 – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. [Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [The Old Novgorod dialect]. 2nd edition, revised taking into account finds from 1995–2003. Moscow, 2004.]

Замбрыцкая, 2026 – Замбрыцкая М. Особенности реализации фонемы /v/ в говорах деревень Макеево и Пятиусово // Рема. Rhema. 2026. № 1. С. 21–53. DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-21-53 [Zambrhitskaia M.S. Realization patterns of the phoneme /v/ in dialects of Makeevo and Pyatiusovo villages. *Rhema*. 2026. No. 1. Pp. 21–53. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2026-1-21-53]

Кодзасов, Кривнова, 2001 – Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001. [Kodzasov S.V., Krivnova O.F. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, 2001.]

Крысько, 2006 – Крысько В.Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. [Krysko V.B. *Istoricheskij sintaksis russkogo yazyka: Obyekt i perekhodnost* [Historical syntax of the Russian language: Object and transitivity]. Moscow, 2006.]

Ломтев, 1956 – Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. [Lomtev T.P. *Oчерки po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka* [Essays on the historical syntax of the Russian language]. Moscow, 1956.]

Насырова, 2022 – Насырова Е. В. Редукция предлога «в» в русской устной речи // Фонетический лицей. Вып. 7 / под ред. Т.В. Крачковской, А.А. Портновой. СПб., 2022. С. 78–82. [Nasyrova E.V. Reduction of the preposition “v” in Russian oral speech. *Foneticheskij litsey*. T.V. Krachkovskaya, A.A. Portnova (ed.). St. Petersburg, 2022. Pp. 78–82. (In Rus.)]

Пожарицкая, 2005 – Пожарицкая С.К. Русская диалектология. М., 2005. [Pozharitskaya S.K. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, 2005.]

Попова, 1985 – Попова З.Д. Об изучении сложного предложения старорусского языка // Восточные славяне. Языки. История. Культура. М., 1985. С. 256–260. [Popova Z.D. On the study of the complex sentence in the Old Russian language. *Vostochnye slavyane. Yazyki. Istoriya. Kultura*. Moscow, 1985. Pp. 256–260. (In Rus.)]

Ронько и др., 2023 – Псковский говор деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Терехово и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы / Р.В. Ронько, А.С. Азанова, А.Д. Анисимов и др. // Русский язык в научном освещении. 2023. № 1 (45). С. 216–262. DOI: [org/10.31912/rjano-2023.1.11](https://doi.org/10.31912/rjano-2023.1.11) [Ron'ko R.V., Azanova A.S., Anisimov A.D. et al. The dialect of the villages Shetnevo, Makeevo, Shchelkino, Terechovo and Stepan'kovo of the Zapadnodvinskij district, Tver region. A grammar sketch and field notes. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2023. No. 2 (39). Pp. 257–312. (In Rus.). DOI: [org/10.31912/rjano-2023.1.11](https://doi.org/10.31912/rjano-2023.1.11)]

Селищев, 1921 – Селищев А.М. Дialectологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. Вып. 1. [Selishchev A.M. Dialektologicheskij ocherk Sibiri [Dialectological sketch of Siberia]. Irkutsk, 1921. Iss. 1.]

Собинникова, 1969 – Собинникова В.И. Проблемы диалектного и исторического синтаксиса (на материале воронежских говоров и памятников письменности). Воронеж, 1969. [Sobinnikova V.I. Problemy dialektного i istoricheskogo sintaksisa (na materiale voronezhskikh govorov i pamyatnikov pismennosti) [Problems of dialectal and historical syntax (based on Voronezh dialects and written monuments)]. Voronezh, 1969.]

Станишева, 1966 – Станишева Д.С. Винительный падеж в восточнославянских языках. София, 1966. [Stanisheva D.S. Vinitelnyy padezh v vostochnoslavjanskikh yazykakh [The accusative case in East Slavic languages]. Sofia, 1966.]

Стеценко, 1977 – Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1977. [Stetsenko A.N. Istoricheskij sintaksis russkogo yazyka [Historical syntax of the Russian language]. Moscow, 1977.]

Толстая, 2024 – Толстая М.Н. Падежные конструкции со значением времени в украинском закарпатском говоре // Актуальные проблемы русской диалектологии: Материалы международной конференции / отв. ред. О.Е. Кармакова. М., 2024. С. 223–226. [Tolstaya M.N. Case constructions with temporal meaning in the Ukrainian Transcarpathian dialect. *Aktualnye problemy russkoy dialektologii*. O.E. Karmakova (ed.). Moscow, 2024. Pp. 223–226. (In Rus.)]

Топоров, 1961 – Топоров В.Н. Локатив в славянских языках. М., 1961. [Toporov V.N. Lokativ v slavyanskikh yazykakh [The locative case in Slavic languages]. Moscow, 1961.]

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

The article was received 20.11.2025

Сведения об авторе / About the author

Анцупова Анастасия Владиславовна – студент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Anastasiia V. Antsupova – student at the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8906-4839>

E-mail: avantsupova@edu.hse.ru